

РУССКІЯ
СКАЗКИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ
КАЗАКА ЛУГАНСКАГО

ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ИЗДАНИЕ Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ.
С.-Петербургъ.—Москва.

Русские сказки для детей казака Луганского //Издание т-ва М. О. Вольф,
Москва, 1902
FB2: "a53 ", 132415445157880000, version 1
UUID: {33B4E076-ADAB-4965-B497-81D2720DEE22}
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Иванович Даль

Русские сказки для детей казака Луганского

Содержание

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК0006
ЛИСИЦА И ЗАЯЦ0012
МЕДВЕДИЦА	0020
АФОНЯ-ДУРАЧОК	0026
КОЛОМЕНСКАЯ ЖЕЛТАЯ РЕПКА0036

РУССКІЯ СКАЗКИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

КАЗАКА ЛУГАНСКАГО

Владимира Даля

съ иллюстраціями.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. | МОСКВА.

Владимир Даль
РУССКИЕ СКАЗКИ
для детей
казака Луганского

*Дозволено цензурою. С.-Петербург. 4
октября 1902 года.*

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

Или-были три брата, два — умных, а третий — дурак; старшие братья, хоть и любили дурака, а все-таки журили, а ину пору, как досада возьмет, так, бывало, и поколотят его.

Раз пошли братья в поле работать; вот старшая невестка говорит дураку: — «Иванушка, я напекла блинов, снеси-ка их братьям, чай, им давно есть хочется». — «Ладно», — сказал дурак. Невестка наложила блинов полон горшок, отдала дураку, а дурак идет да в сторону на свою тень поглядывает; что, думает, привязался ко мне человек, знать есть хочет. Вынул дурак блин и бросил своей тени, а сам пошел далее; идет, а тень сбоку бредет. Ну, думает дурак, видно, голоден! Взял зараз три блина и бросил тени, а тень только и стояла, пока Иванушка блины доставал;

Иванушка пошел, и она пошла. Поглядел дурак, поглядел, да и стал без счету тени своей блины бросать; все разбросал, а тень не отстает. «Вишь, ненасытная утроба, все переел, а не отстает!» Тут дурак с сердец швырнул в тень свою всем горшком, а сам побежал; горшок разлетелся, дурак бежит, а за ним и тень бежит. Вот и прибежал к братьям в поле; как дурака братья завидели, так работу покинули и стали собираться обедать, а дурак стал им сказывать, вот, так и так: «Дала невестка отнести к вам горшок блинов, а привязался ко мне дорогой человек, да такой прожорливый, что все блины приел; осерчав, я в него горшком и стукнул!»

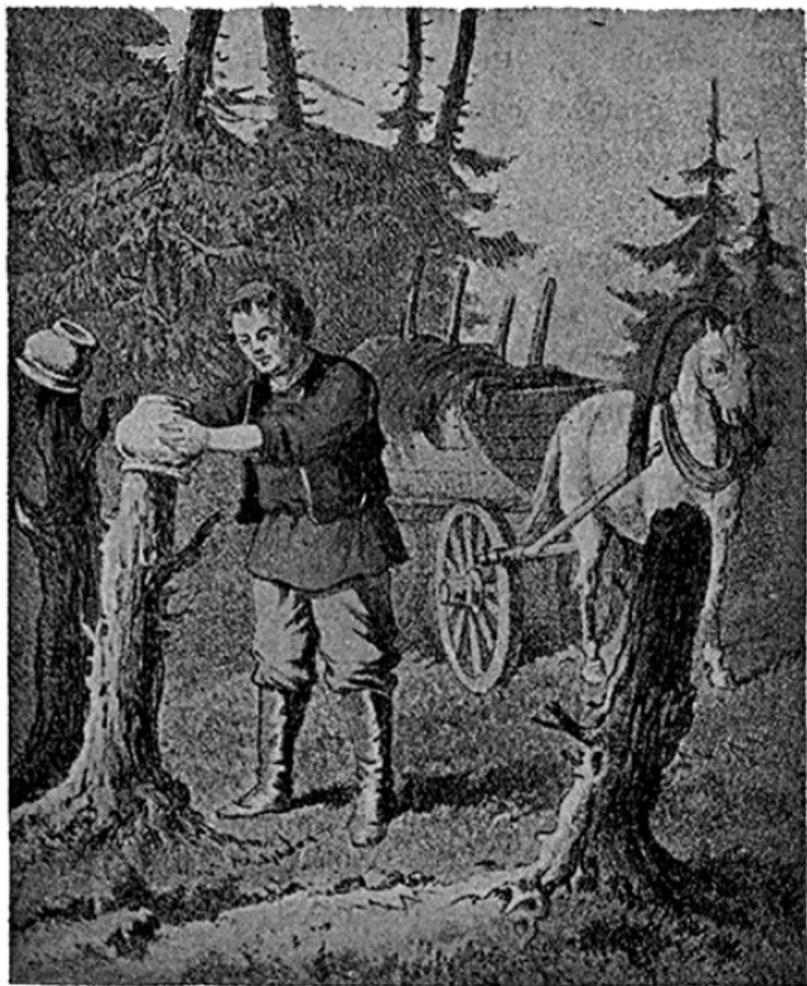
«Где же он теперь?» — спросили братья. Дурак обернулся: — «Вон, вон!» — закричал он, указывая на свою тень, — «и теперь не отстает!» Тут догадались умные братья, принялись дурака бранить, принялись его корить, да с голодухи маленько и побили.

Собрался раз старший брат на базар и велел дураку с собой ехать, «пускай», говорит, «хоть лошадь подержит». Поехали, все закупили: и ложки и плошки, и стол и соль, и

чашки и всякую всячину; вот и едут домой, уж и близехонько, и церковь видна, да нагнал их кум и зовет старшего брата в свою телегу, слово перемолвить, о деле покалякать.

Старший брат сдал меньшому вожжи, да и велел за собою ехать. Вот едет дурак, шапка на затылке, по сторонам поглядывает, рукавами потряхивает, и слышит, что в столе ложки побрякивают: «бряк да бряк», а Иванушке думается, что ложки приговаривают: «дурак, дурак!» Вот он осерчал и расшвырял их по полю. Откуда ни взялось воронье, кричит: «кар, кар, кар!» «Видно, есть хотят», подумал дурак, схватил мешок с крупой да и бросил его с телеги воронам: «кушайте, тетеньки, на здоровье!» Въехал дурак в лесок, а в лесу стоят обгорелые пни. — «Эх, дяденьки, чай, студено вам без шапок стоять,» — сказал дурак и надел на них по горшку, по корчаге.

Обрядивши пни, сел на воз и ну без толку хлестать лошадь; лошадь заартачилась. — «Сивка, пить, что ль, захотела?» — спросил дурак. Сивка махнула хвостом. — «Ну, пить, так пить,» — сказал Иванушка и, подъехав к реке, стал Сивку уговаривать испить водицы. Сив-

ка пить не хотела, стоит над водой да ушами
прядет. Задумался дурак, отчего лошадь не
пьет, да и вздумал: — «знать, не солоно!»

Хватать всю соль, да и бух в воду, только пузыри пошли! А лошадь все воды не пьет. — «Ну, ну, ну! теперь-то я знаю, отчего она не пьет! Низко, не достанет, знать у нее ноги высоки; постой, Сивка, я те маленько ноги поокорочу!» Вот Иванушка выпряг Сивку, взял топор, подошел к ней, чтобы ноги окоротить, а там умнее его была, да как лягнет его да бросится по дороге домой, только он ее и видел. Присел малый, в силу отдохнул от сивкиного угощенья, а, посидевши, взял оглобли, впрягся в телегу и потащил ее домой. «Что это», думает, «супротив прежнего, как лошадь везла, тяжело стало ехать?» Да вспомнил, что в телеге стол стоит; выхватил дурак стол и говорит: — «У тебя, брат, четыре ноги, а у меня две, ты скорее меня домой прибежишь!» А стол, как стал на ноги, так и ни с места! Зло взяло бедного дурака, схватил он кнут и ну хлестать стол; бил, бил, из сил выбился, а стол все ни с места! — «Ладно, — говорит дурак, — захочешь есть, так, небось, и сам прибежишь!»

Скрипит телега по селу, прет ее Иванушка в гору, а пот с него так и льет! Выглянул брат в окно, приехав уже наперед с кумом до-

мой. — «Батюшки, да это наш дурак приехал!»

— Дурак, где лошадь?

— В лес по ягоды пошла.

— Где покупки, где крупа? Где ложки, горшки да плошки?

— Ложки — всю дорогу ругались: «дурак да дурак», я их расшвырял по полю, а крупу тетенькам отдал, горшки с корчагами в лесу на дяденек повздел, а стол — захочет есть, так и сам прибежит, ведь на четырех ногах, не ужинавши не ляжет!

Тут братья с женами бросились на дорогу отыскивать покупки; лошадь сама на двор прибежала, стол нашли и горшки с пней посымали, крупу вороны наполовину расклевали, а ложки одну по одной собирали. С тех пор зареклись братья Иванушку-дурака с покупками посылать.

ЛИСИЦА И ЗАЯЦ

Ил-был в поле серенький Зайчик, да жила Лисичка-сестричка; вот как пошли заморозки, стал Зайка линять, а как пришла зима студеная, со вьюгой да со снежными сугробами, Зайка с холоду и вовсе побелел, и надумал он себе избу строить: натаскал лубочков и давай городить хижину да ухичивать ее. Увидала это Лиска и говорит:

— Ты, косенький, что это делаешь?

— Видишь, от холоду угрева промышляю, избу строю.

«Вишь, какой догадливый, — подумала Лиса, — давай-ка и я построю избу — только уж не лубочный балаган, а палаты, хрустальный дворец!»

Вот и принялась она лед таскать да избу класть. Обе избы поспели разом, и зажили наши звери своими домами. Глядит Лиска в ле-

дяное окошечко да над зайчиком подсмеивается: «Вишь, чернолапотник, какую лачугу свараксал! То ли дело моя: и чиста, и светла, ни дать, ни взять хрустальный дворец!» Лисе зимою все было хорошо, а как пришла весна по зиму да стала снег сгонять, землю пригревать, тут лискин дворец и растаял, да водою под гору и сбежал! Как Лиске без дому быть? Вот подкараулила она, когда Зайка вышел из своей избы погулять, подснежной травки, заячьей капустки пощипать, прокралась в зайкину избу и влезла на полати. Пришел Зайчик, торкнулся в дверь, заперта; подождал маленько и стал опять стучаться.

— Кто там? — закричала Лиса толстым голосом.

— Это — я, хозяин, серый Зайчик,пусти меня, Лисонька.

— Убирайся, не пуцу, — отвечала Лиса.

Пообождал Зайка, да и говорит:

— Полно, Лисонька, шутить,пусти, мне уж спать хочется.

А Лиса в ответ:

— Постой, косой, вот как я выскочу да выпрыгну, да пойду тебя трясти, только ключья

по ветру полетят.

Заплакал Зайчик и пошел куда глаза глядят; повстречался ему серый Волк.

— Здорово, Зайка, о чем плачешь, о чем горюешь?

— А как же мне не тужить, не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, Лисья изба растаяла, водой ушла, она мою захватила, да и не пускает меня, хозяина!

— А вот постой, — сказал Волк, — мы ее выгоним!

— Наверяд ли, Волченька, выгоним, она крепко засела!

— Я не я, коли не выгоню Лису, — зарычал Волк.

Вот Зайчик обрадовался и пошел с Волком гнать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикеевна, выбирайся из чужой избы, — закричал Волк.

А Лиса ему из избы в ответ:

— Постой, вот как слезу с печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трепать, так только ключья по ветру полетят!

— Ой, ой, какая сердитая! — заворчал Волк, поджал хвост и убежал в лес, а зайка остался

плакать в поле.

Идет Бык.

— Здорово, Зайка, о чем тужишь, о чем плачешь?

— А как же мне не тужить, как не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, Лисья изба растаяла, она мою захватила, да вот и не пускает меня, хозяйина, домой!

— А вот постой, — сказал Бык, — мы ее выгоним.

— Нет, Быченька, навряд выгнать ее, крепко засела, уж ее Волк гнал — не выгнал, и тебе, Быку, не выгнать!

— Я не я, коли не выгоню, — замычал Бык.

Зайчик обрадовался и пошел с Быком выживать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикеевна, ступай вон из чужой избы! — промычал Бык.

А Лиса ему в ответ:

— Постой, вот как слезу я с печи, да пойду тебя, Быка, трепать, так только клочья по ветру полетят!

— Ой, ой, какая сердитая, — замычал Бык, закинул голову и давай улепетывать.

Зайчик сел подле кочки и заплакал.

Вот идет Мишка-Медведь и говорит:

— Здорово, косой, о чем тужишь, о чем плачешь?

— А как же мне не тужить, как не горевать! была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, лисья изба растаяла, она мою захватила, да и не пускает меня, хозяина, домой!

— А вот постой, — сказал Медведь, — мы ее выгоним!

— Нет, Михаила Потапыч, навряд тебе ее выгнать, крепко засела; Волк гнал, не выгнал, Бык гнал, не выгнал, и тебе не выгнать!

— Я не я, — заревел Медведь, — коли не выживу Лису!

Вот Зайчик обрадовался и пошел, попрыгивая, с Медведем гнать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикеевна, — заревел Мишка, — убирайся вон из чужой избы!

А Лиса ему в ответ:

— Постой, Михайла Потапыч, вот как слезу с печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя, косолапого, трепать, так только ключья по ветру полетят.

— У, у, у! какая лютая, — заревел Медведь, да и пустился впритруску бежать.

Как быть Зайцу? Стал он Лису упрашивать, а Лиса и ухом не ведет. Вот заплакал Зайчик и пошел куда глаза глядят и повстречал кочета, красного Петуха, с саблей на плече.

— Здорово, Зайка, каково поживаешь, о чем тужишь, о чем плачешь?

— А как же мне не тужить, как не горевать, коли с родного пепелища сгоняют? Была у меня избенка лубяная, а у Лисицы ледяная; лисья изба растаяла, она мою заняла, да и не пускает меня, хозяина, домой!

— А вот постой, — сказал Петух, — мы ее выгоним!

— Вряд ли, Петенька, выгнать, она больно крепко засела! Ее Волк гнал, не выгнал; ее Бык гнал, не выгнал; Медведь гнал, не выгнал; где уж тебе совладать!

— Попробуемся, — сказал Петушок, и пошел с Зайцем выгонять Лису. Как пришли они к избушке, то Петух запел:

*Идет кочет на пятах,
Несет саблю на плечах,
Хочет Лиску срубить,
Себе шапку сшить:
Выходи, Лиса, пожалей себя!*

Как слышала Лиса петухову грозу, испугалась, да и говорит:

— Подожди, Петушок, золотой гребешок, шелковая борода!

А Петух кричит:

— Кукареку, всю изрублю!

Вот Лиса просит тоненьким масляным голоском:

— Петенька, Петушок, пожалей старые косточки, дай шубенку накинуть!

А Петух, стоя у дверей, знай себе кричит:

*Идет кочет на пятах,
Несет саблю на плечах,
Хочет Лиску срубить,
Себе шапку сшить:
Выходи, Лиса, пожалей себя,
Не то всю изрублю, искалечу тебя!*

Нечего делать, некуда деваться Лисе; приотворила дверь, да и выскочила, а Петух уже стоит, поджидает; как увидал Лису, так и зарубил ее, мех взял себе на зимнюю шапку, а мясо воронам кинул, сам же поселился с Зайчиком, и стали они жить да быть, да добро копить.

МЕДВЕДИЦА

Лесу, под колодою, в берлоге, жила-была медведица с медвежатками. Еще с осени надрала она моху, постлала постель и залегла на зиму. Как пришла весна, так поднялась она добывать про семью свою корм, медвежатам же строго-настрого наказала не ссориться, не реветь, лежать смирно, да про все, про что пошлышат, сказывать ей. «Ладно», — отвечали медвежатки, а как мать ушла, так и вцепились друг в друга, и пошла у них поволочка по всей берлоге. Неподалеку оттуда было зайкино логовище; вот серенький, на-

востри ушки, слушает: «что бы это такое было, — думает он, — собаки не собаки, волки не волки, а словно где-то телята орут, дай пойду поразведаю!» Вот зайка, прижав ушки к макушке, пошел тихонько пробираться по лесу, дошел до берлоги, глянул в нее и покатился со смеху, увидав толстых неуклюжих медвежат, которые потчевали друг друга заушинами и ревели во все медвежье горло.

— Эх вы, дурачье, — сказал зайка, плюнув, — только званья, что медвежьи детки, а хуже свиных поросят. — Сказал да как прыснет от берлоги!

Ему почудилось, сыр-бор трещит, а это медведица домой идет.

Вот пришла она сытая, веселая и стала медвежат спрашивать: не ссорились ли они без нее?

— Куда нам ссориться, мы без тебя все друг дружку лизали да на ушко сказки сказывали, и все бы хорошо было, да уж больно заяц нас разобидел: он нас, твоих детенышей, обозвал свинными детками и плюнул на берлогу нашу.

Обиделась, рассердилась медведица и говорит:

— Вот ужо, косо́й, посто́й, я те улю́ю щей на ложку, будешь моих деток поросятами обзывать! У, у, у, заревела она и пошла на заячье логово, а серый, задрав уши, понесся, что есть духу, в самую трущобу; мечка за ним, он от нее, она за ним, он со страху шмыгнул сквозь расколотый грозою кряж, она сунулась за ним, да и завязла! Вот она и туда и сюда прорывается, а кряж держит, словно капканом охватило! Как быть? Вот и слышит она, кто-то по лесу едет да песенки попеваает; это, знать, мужичок из соседней деревни, дай, думает, покучусь ему, попрошу, ину пору, рассказывают, у человека на милость образца нет.

Вот, как завидела она мужика, и стала его ублажать:

— Добрый человек, выпусти ты меня из проклятой лещедки, а уж я твоей милости век не позабуду и для первоначала бортьею поклонюсь, укажу, где пчелы привились.

Задумался мужичок — бить или не бить медведицу? Убить ее хорошо, первым делом худая трава из поля вон, да и за шкуру целковых пять дадут; не убить также хорошо, бортьями обзаведусь, пчеловодом буду, медом да

воском торговать стану и в купцы выду! Ну, была не была! — подумал он, схватил топор и ну расклинивать да колотить; расщепил надвое, выпустил медведицу, а та ему поклон да и повела борть казать, сама же дорогой говорит:

— Я тебе не одну борть укажу, только ты головушки моей не срами, никому не скажывай, что я, старая медведица, из-за такой дряни, из-за серого зайчишки, чуть было головы не сложила!

Наш мужик на радостях все обещал, слезил на дерево, меду нарезал и поехал домой. Медведицу той порой взяло раздумье, что если мужичок на беду проговорится? Ведь позору не оберешься, пойдут толки да пересуды. Вот и пошла она за мужиком следом, пришла в деревню, схоронилась за тын и стала слушать, а на дворе у мужика радость, пир горой: ребята хлеб с медом едят да отца выспрашивают: «откуда, тятя, медку добыл?» и жена пристала: «скажи да скажи, кто борть указал?» Мужичек на радостях все семье рассказал; вот и стали они зайца величать, а над медведицей издеваться.

— Ладно же, свет мой мужичек, думает

мечка, смешки твои слезами отольются!

С той поры стала она мужика подстерегать. Вот поехал он раз в поле хлеб сеять; глядь, а медведица на дороге, оцетинясь, сидит, его поджидает.

«Здорово, мечка!» — крикнул он ей, а та, став на дыбы, ревет: «так-то ты свое слово держишь, добро бы наш брат зверь, а то, говорит, и человек, а лукавишь! Уговаривался, небось, молчать, а как стали дети допытываться, так все и рассказал? Теперь уж не прогневайся, я тебя за это сем»!

Мужик оробел и ну отпрашиваться, ну отмаливаться; а она и слышать не хочет, рычит свое: «съем», да и только!

Стала медведица готовиться мужика есть, стала когти точить. Вдруг откуда ни взялась стая собак — тяф, тяф, тяф! А за ними охотники — паф, паф, паф!

Тут пришел конец нашей медведице, и, не доточа когтей, повалилась она мертвая. Мужичек с перепугу долго хворал и с той поры зарекся щадить лихого зверя да не держать слова, и деткам и внукам говорил: «со зверем, не сняв с него шкуры, не мирись, а сам, не дав

слова, крепись, а, дав слово, держись!»

АФОНЯ-ДУРАЧОК

Или-были три брата; двое — умных, Кирила да Гаврила, а третий — дурачок-Афоня. Жили они дружно, и хоть старшие братья меньшого журили, а бить не били: ведь в дураке и Бог не волен, ума к кожи не пришьешь; ты стели ему вдоль, а он мерит поперек; что ни скажет, что ни сделает, все не полюдски, а по-своему, по-дурацкому разуму! Вот сидит он раз на завалинке да на своей роже мух бьет; известно, что на дурака и муха падка. Идет соседка, ищет ребенка и говорит: — Ох, охонюшки, не видал ли ты, Афонюш-

ка, моего Васьки?

— Видел, — говорит дурак.

— Ах ты мой, такой сякой разумный, где же и когда ты его видел?

— А как невестка его была, — говорит дурак, — тогда видел!

— Твоя невестка моего Васютку была! Да за что же это она на него злодейка взъелась?

— А вот за что, говорит, но чужим огородам не ходи! Да каково больно была-то, — прибавил дурак, — ажно жалко стало.

— А ты чего смотрел, не отнял? — приста-вала соседка.

— Некогда было, невестка за веревкой в клеть посылала.

— А на что ей понадобилась веревка?

— Ваську вязать.

— Ах, батюшки-светы!

Тут дурак испугался, что проговорился, и начал бабу просить, чтобы она никому не ска-зывала, как невестка Ваську была, да на ве-ревку посадила и отвязывать запретила.

— Афонюшка, золотой мой паренек, хо-чешь редечки?

— Не хочу.

— Хочешь огурчиков с кваском?

— Не хочу.

— Хочешь калачика с медком?

— Хочу, — сказал дурак.

— Так сослужи мне службу, отвяжи ты моего Васеньку, да выведи его ко мне.

— Ладно, — сказал дурак и побежал в хлев.

Долго ли, коротко ли он там возился, а вышел таки на двор, вытянув за собой черного козла Ваську, да и говорит соседке:

— На, возьми, только невестке не сказывай.

Рассердилась баба, что попусту время потеряла, чуть-чуть не вцепилась Афоне в волосы, да благо невестка вступилась. Баба плюнула на дурака и пошла дальше искать своего парнишку.

Затеяли раз Кирила с Гаврилой к празднику пиво варить; сварили, в бочку слили да в погреб бочку спустили. Стала хозяйка пивом хвалиться: «Ах, кумушка голубушка, какое у нас к празднику будет пиво, сущее диво: не успели в бочку слить, а оно уж бродить и играть стало!»

«Дай-ка, — думает Афонюшка, — погляжу

я, как пиво играет, чай, в свайку, в лапту, аль в чехарду?» Пошел, поглядел на бочку и около, пива не видать; нагнулся к ней и слышит, что в бочке, как в улье, гудит. «А-а! Так вон оно как играет, — говорит Афоня, — знать сердится, что его в бочку заперли, дай ототкну затычку, пусть его разгуляется!» Вот присел наш дурак к бочке и ну тянуть гвоздь; бочка покачнулась, пиво всколыхнулось, затычка выскочила, пена брызнула и залепила глаза дураку; пока он их тер-протирает, а пиво все до капли из бочки ушло и залило погребницу. Что делать дураку! Взял кол и ну хлестать по пиву, приговаривая: «Вишь, глупое, и на простор-то выпустить нельзя, полезай назад, доколе невестка не проведала!» Но пиво не слушалось дурака и в бочку не шло. Рассердился Афоня, забранил пиво, захлестал его пуще прежнего. На крик дурака сбежались братья, увидели беду, выгнали дурака из погреба; знать, пословица правду говорит: «с дураками пива не сваришь, а и сваришь, так не разопьешь». Пуще же всех осерчала невестка: «не хочу с дураком жить; пусть его в люди идет уму-разуму учиться!»

Вот и отдали дурака в заработки, а на тяжелую работу куда как он был дуж! Гаврила с Кирилой ударили за брата по рукам, выговорили ему харчей в волю, одежду: зипун, сапоги, шапку да красный кушак, да по три деньги в день. Увезли дурака за тридевять верст; прожил дурак там без году неделю, соскучился по родной печи, по Жучке, но братьям да по сердитой невестке; простился с хозяевами, обулся, оделся и пошел восвояси. Вот идет он путем-дорогой; летит грач, кричит: «кар, кар, красны сапоги, красны сапоги», а Афоне показалось, что грач кричит: «крадены сапоги, крадены сапоги!» Он снял сапоги, бросил их и пошел далее. Летит синичка, кричит: «зинь, зинь, зинь!» а Афоне показалось, что синичка кричит: «скинь, скинь, скинь!» Он снял кафтан и бросил его на дороге, а сам пошел необутый, не одетый; погода же стояла куда какая морозная. Вот пришел домой; первая завидела его невестка.

— Здорово, брат Афоня, что больно налегке пришел? — спросила она, — где одежда?

— На дороге оставил.

— Что так?

— Да вот так и так, — тут дурак ей все рассказал.

Баба всплеснула на него руками:

— Эх, Афоня, Афоня, на голове-то густо, да в голове пусто; тебе с твоим умом только пугалом в горохе сидеть!

Пришли братья, посердились на дурака, побранили его, а все-таки накормили и на печь спать уложили.

Досталась Афоне после крестного отца корова, скотинка диковинная: съедала в день по копне, а молока давала по ложке. Кирила с Гаврилой решили чернаву продать. Услыхал про то дурак, накинул корове на рога веревку и, не сказавшись братьям, повел ее продавать. Шел, шел, зашел в лес, а в лесу стоит сухая береза, покачивается да поскрипывает. Вот, думает дурак, знать, это купец корову торгует: «изволь, — говорит, — брат, дешево отдам.» А береза пуще прежнего по ветру закачалась да заскрипела.

«Что, аль денег пообождать надо? — спросил дурак, — изволь обожду до завтра!» Взял корову, привязал к сухому сучку, а сам пошел домой.

Дома братья переполохнулись: «где корова, где дурак?» а соседи им в ответ: «Афоня-де пошел в лес и корову на привязи повел.» Вот Гаврила с Кирилой побежали следом за дура-

ком и повстречали его на перекрестке.

— Где был, куда дел корову?

— Кто? Я? — спросил дурак, — в торгу был.

— А корова где?

— Продал.

— А деньги где?

— Маленько пообождать просили.

— Смотри, дурак, чтоб не обманули!

— А это на что? — спросил Афоня, вытягивая кулачище.

Братья приступили к нему:

— Кому продал, сказывай!

— А я почем знаю? Земляку продал, — твердил Афоня, и больше от него ничего не добились.

На другой день чем свет Афоня встал и пошел в лес к сухой березе, а береза все стоит, да поскрипывает, коровы же на привязи не видать: должно быть, прохожие взяли либо волки сели.

«Что, земляк, аль еще обождать? — спросил дурак, — изволь, так и быть, до завтра подожду, а уж завтра, смотри на меня не пеняй!» Пришло завтра, Афоня чем свет собрался, заткнул за пояс топор, засучил про запас

рукава и пошел в лес, а береза стоит да пуще прежнего раскачивается. «Ну, нет, земляк, не на такого напал», — сказал Афоня, да как хватит березу топором, раз, другой, пятый, десятый; дурак с сердцов так рубит, что щепы за опушку летят. Вдруг из дупла выпала кубышка, а из кубышки посыпались серебряные деньги, а это, вишь, был клад. Дурак поднял кубышку, собрал деньги и промолвил: «Ведь говорил я тебе, земляк, что шутить с тобой я не стану, кулаков не пожалею», — и пошел домой. Пришел, а братья вскинулись на него: «аль опять без денег вернулся?» Тут дурак с хохотом бросил на стол кубышку: «вот, — говорит, — вам корова, берите!» Кубышка упала, крышка скатилась, деньги рассыпались. Увидав такую пропасть денег, братья перепугались: «где взял такое богатство?» — спросили Кирила с Гаврилой.

— Земляк дал, — отвечал Афоня.

— За корову ту?

— За корову.

«Ну, знать, дурак на дурака напал», — подумали братья, собрали деньги и схоронили в сундук, а дураку Афоне купили синий кафтан,

красный кушак да шляпу с павлиньим пером. Вот и щеголяет наш Афоня по селу, каблучками потопывая, руками потряхивая, а ребяташки-драчуны спереди и сзади бегут да кричат: «вон-де нарядилась ворона в павлиньи перья!» Афоне то и любо, то и весело, много-де народу, все его одежду видят! Так и прожил наш Афоня, дурак-дураком, ведь на деньги ума не прикупишь!

КОЛОМЕНСКАЯ ЖЕЛТАЯ РЕПКА

Или-были старик со старухой, да третья внучка; пришла весна, снег стаял; вот и говорит старуха: — «Пора огород копать». — «Вестимо пора», — сказал старик, наточил заступ и пошел в огород. Уж он его копал, копал, всю землю по комочку перебрал и вспушил гряды на диво; похвалила старуха гряды и посеяла репу. Взошла репа, растет и зелена, и кудрява, ботва стелется по земле, а под землею дуется, наливается желтая репа, вверх прет, из земли лезет.

— Экая репа! — говорят соседи, поглядывая через плетень.

А дедушка с бабушкой да со внучкой радуются да приговаривают: будет нам что постом печь да парить!

Вот пришел Успенский пост, что Госпоженками зовут, захотелось дедушке поесть репки-паренки, пошел в огород, захватил репу за ботву и ну тянуть; тянет, потянет, вытянуть не может; крикнул старуху, старуха пришла, схватилась за дедушку и ну тянуть; тянут-потянут вдвоем, вытянуть репки не могут; пришла внучка, схватилась за бабушку, и ну втроем тянуть; они репку тянут-потянут, а вытянуть не могут. Прибежала дворняжка Жучка, уцепилась за внучку, и все сам-четверт тянут-потянут, а репки вытянуть не могут!

Старик запыхался, старуха закашлялась, внучка плачет, Жучка лает; прибежал сосед, схватил Жучку за хвост, Жучка за внучку, внучка за бабушку, бабушка за дедушку, дедушка за репку, тянут-потянут, а вытянуть не могут! Тянули, тянули, да как оборвется ботва, так все и полетели навзничь: дедушка на бабушку, бабушка на внучку, внучка на Жучку, Жучка на соседа, а сосед на землю. Бабушка: «ах!» дедушка руками мах, внучка плачет, Жучка лает, сосед затылок потирает, а репка, как ни в чем не бывало, сидит в земле! Поче-

сался сосед да и говорит: — «Эх, дедушка, борода выросла, а ума не вынесла: давай заступ, выковырнем ее из земли!» Тут старик со ста-

рухой догадались, схватились за заступ и ну обрывать репу; обрыли, вынули, отрясли, а репа такова, что ни в один горшок не лезет; как быть? Старуха взяла посадила ее на сковороду, испекла, и сели ее с соседом сам-четверт, а Жучке кожурки отдали. Вот и сказка вся, больше сказывать нельзя.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18.

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
ГОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ
РОСКОШНЫЯ КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ
МЛАДШАГО ВОЗРАСТА:

ЦАРСТВО МАЛЮТОКЪ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МУРЗИЛКИ

и дѣсныхъ человѣчковъ въ 27 разсказахъ

А. Б. Хвольсонъ.

Большой томъ въ 8 д. л., съ рисунками П. Коуса. Цѣна въ богатомъ подарочномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золототисненіями и золотообрезомъ, въ папачномъ футлярѣ, 3 рубля.

—+—

„ЧТО ВИДИТЬ ЗВѢЗДОЧКА“

И

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Клавдіи Лукашевичъ.

Съ 26 отдѣльными картинками и со многими рисунками въ текстѣ О. Козачинскаго, Н. Ольшанскаго, Н. Перухина, А. Писемскаго и др.

Большой томъ въ 8 д. л., въ богатомъ подарочномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золототисненіями и золотообрезомъ, въ папачномъ футлярѣ
Цѣна 3 рубля.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 октября 1902 года.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Вас. Остр. 16 линия, д. № 5—7.